

7 ДЕК 1982

«Ленинская смена»

БОРИС Николаевич Беляков (1892—1977) — автор фундаментальных книг «Летопись Нижегородского — Горьковского театра» и «Оперная и концертная деятельность в Нижнем Новгороде — городе Горьком», материал для которых он кропотливо собирал в течение 60 лет, хорошо известен горьковчанам как историк театрального искусства. Всю свою долгую восьмидесятилетнюю жизнь Борис Николаевич преданно служил театру. Сыграли в этом свою роль, наверное, не только семейные традиции (дядя Бориса Николаевича Н. Н. Успенский был профессиональным актером), но и удачные самостоятельные выступления на любительской и профессиональной сцене...

Незадолго до своей кончины Б. Н. Беляков работал над книгой о Федоре Ивановиче Шаляпине. Книга, к сожалению, не была завершена, но в архиве старейшего горьковского театроведа мы обнаружили материалы к ней — факсимильную рукопись его воспоминаний о Шаляпине, о гастрольных спектаклях с участием певца. Написанные на основе дневниковых записей ноября 1916 года (театральный дневник Б. Н. Беляков вел с 1907 года), эти воспоминания очевидца (как и уникальные фотографии к ним) представляют искусствоведческий и исторический интерес. По небольшой части этих воспоминаний нами и была подготовлена публикация, предлагаемая читателю.

Б. БЕЛЯКОВ

ШАЛЯПИН, ТЕАТР ЗИМИНА, 1916 ГОД...

МОСКВА. Близился к концу сентябрь 1916 года. На улицах и площадях все чаще встречались воинские соединения, отправляемые на фронт. Шел третий год первой мировой войны, и с каждым годом ширились ряды призывников.

Призыв в действующую армию не прошел и мимо работников искусства. В частной, весьма популярной в ту пору московской опере С. И. Зимина ушло на военную службу до сорока процентов мужского состава хора. Надели солдатские шинели и некоторые солисты зиминской оперы, и среди них такие первоклассные певцы — хорошо известные нижегородцам по концертным выступлениям в нашем городе — как Капитон Денисович Запорожец, Владимир Алексеевич Дубинский, Иван Михайлович Горелов.

Для пополнения мужского, а попутно и женского состава хора дирекция театра объявила конкурс, привлекий большое количество участников, преимущественно студентов последних курсов, которых еще не коснулся призыв в армию. После пробы на конкурсе был зачислен в труппу театра на положение ведущего хориста и я...

Уже подходило к концу репетиции оперы «Евгений Онегин» (спектакль готовился к предстоящим в театре гастролям Л. В. Собинова), когда на одном из занятий нам было объявлено, что в самое ближайшее время — до гастролей Собинова — в театре состоится гастроль Ф. И. Шаляпина. Он будет петь в операх «Борис Годунов», «Иван Сусанин», «Русалка» и «Фауст».

Надо было видеть, как это известие мгновенно изменило обычное течение всей жизни театра.

Исключительная требовательность великого артиста к себе и ко всем участникам оперы потребовала от дирекции и режиссуры, дирижеров и художников, декораторов и рабочих сцены, хористов и балетной труппы усиленной подготовки к спектаклям гастрольного «шаляпинского» репертуара, не исключая и пересмотра существующего в театре исполнительского стиля.

Мы, шестьдесят-семьдесят специально отобранных молодых хористов, были срочно переключены на подготовку к спектаклям с участием Шаляпина, и в первую очередь — на «Бориса Годунова», которым Федор Иванович начинал свои гастроли. Это было сделано из опасения, что участие в опере неподготовленного, слабого хора неизбежно вызовет протест, а может быть, и гнев взыскательного гастролера. И такие опасения, безусловно, имели основания.

Об этом же говорило и то, что в ходе репетиций наши ближайшие руководители — композитор и дирижер Евгений Иванович Букке и весьма популярный в ту пору солист зиминской труппы Владимир Николаевич Трубин (кстати говоря, часто гастролеровавший в Большом ярмарочном театре Фигнера и пользовавшийся большим успехом у нижегородцев) — не раз предупреждали нас: «Ни на минуту не забывайте: оперы идут с участием Шаляпина!» И это означало, что речь идет о спектаклях огромной, особенной ответственности, исключавших любое безразличие, малейшую невнимательность, требующих строгой музыкально-вокальной дисциплины и сценической подтянутости.

ИВОТ во время одной из репетиций кто-то из товарищей по хору шепнул мне, что в театр прибыл Шаляпин. С этой минуты я желал только одного — поскорее увидеть гениального артиста. Дело в том, что в стремлении попасть на спектакли с участием Шаляпина, мы, студенты, независимо от погоды — и в трескучий мороз, и в проливной дождь — простаивали ночи в огромных, в два кольца обвивавших здание Большого театра очередях, ожидая открытия кассы, где утром каждой пятницы продавались билеты на репертуар следующей недели. И счастьем считалось заполучить место хотя бы на галерке.

А тут появилась возможность увидеть Федора Ивановича, как говорится, «в натуре»!...

В первый же репетиционный перерыв мы бросились на поиски Шаляпина. Однако ни в пустующих фойе, ни в коридорах бенуара и бельэтажа его не было. Раздосадованные неудачей, мы остановились на одной из лестничных площадок, чтобы обсудить создавшееся положение, и... чуть не натолкнулись на Федора Ивановича, выходявшего из служебной комнаты. Его появление было так неожиданно, что все слова торжественного приветствия, экспромтом подготовленного нами во время «забега» по этажам, немедленно выпетели из головы и мы смогли выдать из себя только крайне робкое «Здравствуйте, Федор Иванович!» «Здравствуйте, молодые люди,» — приветливо улыбнулся Шаляпин.

ГОТОВЯСЬ к участию в гастрольных выступлениях Шаляпина, мы, молодые хористы, испытывали самый настоящий восторг и вместе с тем чувство некоторого страха, так как читали и знали, насколько великий артист строг и непримирим к вольным или невольным промахам.

Вообще хочу сказать, что подготовка коллектива театра к гастролям Шаляпина не была похожа на обычное выполнение будничного служебного долга. То было глубокое увлечение, охватившее каждого, кто так или иначе участвовал в репетициях. Присутствие в театре Шаляпина воодушевляло всех. То и дело приходилось слышать: «Федор Иванович просил», «Шаляпин сказал» и т. п.

Наконец наступил вечер первого гастрольного спектакля. Перед второй картиной пролога оперы «Борис Годунов» (от первой картины, в которой Ф. И. Шаляпин не участвовал, новое пополнение хора освобождалось), надлежаще одетые и загримированные, объединившись с составом старого хора, мы, по указанию режиссера Александра Викторовича Ивановского, задолго до начала оркестрового вступления заняли места на сцене. И здесь я с особенным волнением почувствовал все напряжение атмосферы, царившей за кулисами. Эта напряженность передалась и нам.

На сцене и за кулисами — строгая, «немая» тишина. Изредка появляющиеся люди из администрации и служебного персонала при обращении друг к другу говорят вполголоса, а то и шепотом, по мере возможности стараясь и вовсе заменять речь жестами. И, конечно, на сцене совершенно нет обычной суеи, не слышен стук молотков. Декорации устанавливаются и проверяются быстро и слаженно. Все предельно сосредоточено.

[Продолжение следует].

